

Маленького лисёнка и его спасительницу Цин Юй в этот момент словно черт дернул: воспользовавшись тем, что Вань Фэнсяо отвлеклась, Цин Юй на остаточной скорости подменила тарелки.

Ее ошибка, все ее ошибка, какой грех, какой непростительный грех! Она ведь всего-то на мгновение отошла приготовить завтрак и забыла вовремя подменить содержимое.

Грех, великий грех, пусть с малышом все будет в порядке.

Одной лишь богине известно, как беспомощно она себя чувствовала, увидев ранним утром Вань Фэнсяо на кухне.

Дело дошло до того, что они вдвоем за полчаса засыпали рыбий пруд в саду.

Проклятье! И все из-за этой рыбы! С чего это ей вообще вздумалось жить в пруду?!

Бедная рыба, только что ожившая после глотка воды с противоядием, снова отправилась в мир иной.

Преступление: существование.

Причина смерти: удушье.

А малыш, попив воды, перестал скулить. Не теряя надежды, он снова подошел к тарелке и долго-долго смотрел на рыбу.

Неизвестно, о чем он думал, но в итоге снова припал к еде. В этот раз он не стал лакать бульон, а принялся грызть рыбу.

Откусив первый кусок, он на мгновение замер, а затем уткнулся носом в тарелку, жадно поглощая еду.

Казалось, устроенный им ранее переполох был лишь капризом и беспочвенным протестом.

Увидев это, Вань Фэнсяо тут же отбросила сомнения. Глядя, с каким аппетитом он ест, она преисполнилась такой уверенности в себе, что хоть отбавляй:

— Ах, я так и знала, что мои кулинарные навыки стали еще лучше! Хе-хе.

С сияющей улыбкой она отправилась будить двух своих отцов, которые все еще нежились в постели.

Фэн Цзюэсянь и Юй Шэншэн переглянулись:

— ...?! Кажется, что-то неладно.

Они посмотрели на тарелку в руках Цин Юй, прячущейся в тени, а затем вспомнили самодовольное и триумфальное выражение лица Вань Фэнсяо. Казалось, все было совсем не так радужно.

Цин Юй, которая в тени ломала голову, как избавиться от улик, тоже заметила выражение лица их юной госпожи. Что делать? Это было то самое чувство, когда чувствуешь себя виноватой, а у трупа стынет кровь.

Вдруг из-за угла появилась Цин Вань:

— Эй? Цин Юй, это сегодняшний завтрак? Почему вдруг рыба? На кухне еще осталось? Я тоже хочу перекусить.

Вот это удача. Цин Юй мгновенно отбросила тревогу, ее изящные брови слегка приподнялись, а в глубине глаз промелькнула насмешка:

— Ох, сестренка Цин Вань, не ходи на кухню, возьми вот это. Только бульон солоноват, его не пей, просто съешь рыбу.

Сказав это, Цин Юй быстро сунула тарелку ей в руки и, не говоря больше ни слова, мгновенно скрылась в тени, оставив озадаченную Цин Вань одну.

У Цин Вань дернулся правый глаз, но она не придала этому значения. По-простому достав свои серебряные палочки, она подцепила кусок рыбы и отправила его в рот. Жуя, она пробормотала:

— Кто это готовил? Я ведь так люблю рыбу...

Не успела она проглотить, как — рвотный позыв!

Тарелка отлетела на несколько метров за стену, а сама она, вцепившись в стену, начала блевать так, словно из нее выходила сама душа. Ее икры дрожали, а желудок спазмировалось без остановки.

В перерывах между приступами она урывками ловила воздух и бросала взгляд на свои серебряные палочки.

Яда ведь не было... Почему... почему это страшнее любого яда?!

Может, у нее изменились вкусовые рецепторы из-за недосыпа? Или сейчас такая кухня в моде?

Цин Юй, скрывавшаяся неподалеку, и только что подоспевшая пара отцов наблюдали за происходящим с немим ужасом: «...»

А виновница торжества продолжала утешать:

— Сестрица Вань, что с тобой? Ты, наверное, заболела...

— Нет... я... уа-а!

После того как все, дрожа от страха, закончили трапезу, они послушно собрались в переднем зале.

Сяо Юньцзянь и Фэн Маньлуо изучали донесения, присланные из разных мест. Юй Шэншэн сидел рядом и без остановки читал книги, пока у него на руках спал маленький лисёнок. Вань Фэнсяо и Фэн Цзюэсянь упражнялись в боевых искусствах под присмотром Цин Вэй. Изначально хотели, чтобы Юй Шэншэн тоже тренировался с ними в комнате, но он отказался, сказав, что хочет потратить больше времени на другие дела. Видя его решимость, Сяо Юньцзянь лишь уступил ему, решив на всякий случай усилить охрану в тени.

Оба молодых человека старались изо всех сил, особенно Вань Фэнсяо — она была куда более воодушевлена, чем во время изучения фармакологии. Видя это, Фэн Маньлуо и Сяо Юньцзянь тихонько посмеивались.

В этот момент снаружи послышался бодрый голос, прозвучавший раньше, чем появился сам говорящий:

— Малыши, старик вернулся!

Это вернулся Сянь Чаюй.

— Старик, никакой стыда, ушел на столько лет, еще и пытается казаться старше, — со смехом отчитал его Сяо Юньцзянь, но позволил Фэн Маньлуо поднять его с места и пойти навстречу.

Едва войдя, Сянь Чаюй на мгновение замер. Сяо Юньцзянь заметил это, лихо приподнял бровь и с усмешкой спросил:

— Что такое? Не предсказал? Не может быть, ты ведь так любишь гадать на все, что связано со мной.

— Дело не в этом, просто не ожидал, что вы встретите их так быстро. Эх, это судьба, старик даже завидует вам.

Сянь Чаюй слегка опустил голову, чтобы никто не увидел хаоса в его глазах, и мягким голосом медленно произнес эти слова. Когда он снова поднял взгляд, от того тяжелого выражения не осталось и следа.

Сяо Юньцзянь отмахнулся, еще немного поворчал, чтобы тот поменьше занимался гаданиями, и вместе со Сянь Чаюем прошел в комнату и сел. Затем он попросил троих ребят отложить дела и присоединиться к ним.

Трое малышей вежливо поприветствовали дедушку Сяня. Они знали, что сегодня ждут именно его — об этом договорились еще несколько дней назад.

Сянь Чаюй с отеческой любовью оглядел всех присутствующих, каждого по очереди ласково погладил по голове. Затем он посмотрел на Вань Фэнсяо и серьезно, в упор спросил ее:

— Малышка, ты действительно хочешь возвращать марионетку? Даже если придется заплатить цену?

Вань Фэнсяо замерла, а затем посмотрела на него чистым, полным решимости взглядом и звонким голосом серьезно ответила:

— Да, дедушка Сянь. Мое решение, решение Вань Фэнсяо, не изменится, и я ни о чем не буду жалеть.

Сянь Чаюй безмолвно вздохнул:

— Что ж, пусть будет так. Все вы упрямы, старику остается лишь следовать вашим путем. Не бойся, марионетки не так уж страшны, но ты должна искренне любить ее, чтобы вырастить, иначе никогда не заключишь с ней душевную связь. Любовь бывает разной, все зависит от тебя...

Сянь Чаюй был достаточно интересным и добродушным человеком, поэтому без труда влился в компанию малышей.

Загородная богадельня.

Группа людей медленно шла по дороге. Им не нужно было объяснять цель своего визита — Сянь Чаюй привел всех напрямик к самой ветхой богадельне, которую никто не охранял.

Внутри было довольно сносно, если не считать того, что крыша не скрывала от солнца.

Там лежало лишь одно тело. По пути они разузнали, что это был какой-то бедный ученый, у которого не нашлось родственников, чтобы его забрать.

Во время расспросов одна из местных женщин сокрушенно тараторила:

— Наверное, его выгнали из родной деревни, вот он и помер с голоду. Нынешний правитель Государства Налань налоги для нас, простых людей, поднял аж на восемьдесят процентов! Многие семьи детей прокормить не могут. А уж ученый — человек бесполезный, кроме как книги читать, ничего и не умеет. Ни в поле работать, ни шить, а при дворе людей и так хватает — вот и не пробиться. Как говорят те, у кого сердца нет: оставишь дома — только еду переводить. Его родня тоже жестока: человек был чист душой, а они просто взяли и выкинули его, как вещь. Когда мы его нашли, он уже не дышал, пришлось везти сюда. Денег на гроб нет. Беда, ох беда. Нам, что поближе к столице, еще полегче, а подальше — там кто дочерей продает, кто сыновей. Жалко до слез. С девяти лет жизнь простого народа в нашем Государстве Налань все тяжелее и тяжелее. Если в этом году Небо не даст урожая, как нам выжить?..

Поскольку все путешествовали инкогнито, карета была оставлена за деревней. Женщина приняла их за богачей, творящих добро, и, решив, что они хорошие люди, была предельно откровенна. Она выложила им все как есть, надеясь, что если у них есть лишние возможности, они хоть немного помогут беднякам.

Все долго молчали. Сяо Юньцзянь и остальные раньше занимались лишь политической борьбой, никогда не обращая внимания на жизнь простых людей в низах. Как им было не ужаснуться, столкнувшись с такой несправедливой государственной политикой?

Нынешний правитель Государства Налань будто открыто объявляет: я никчемный правитель, я хочу погубить страну.

Настоящий отброс.

Все смотрели на Сянь Чаюя, который шел впереди, болтая с женщиной, и, казалось, понимали, почему он выбрал это захолустье.

А глаза Фэн Цзюэсяня покраснели, лицо стало мертвенно-бледным, а кулаки — до побелевших костяшек сжаты. Он даже не смел открыть рот, даже чтобы произнести слова извинения.

Он ведь думал, он правда думал, что они просто утопают в роскоши и излишествах, наслаждаясь властью!

Но горькие, неприкрытые стенания народа ударили его так, что не осталось живого места. Каждое слово, каждая фраза терзали его плоть, хлестали по костям и сжигали сердце.

<http://bllate.org/book/22367/2345527>